

УДК 130.2

DOI: 10.26795/2307-1281-2019-7-2-14

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

А. В. Бабаева^{1}, А. А. Крашенинников^{2*}*

¹*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

**e-mail: dff1890@yandex.ru*

²*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

**e-mail: fox.morgan@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: актуальность исследований города связана с тем, какую роль данная форма поселения играет на современном этапе развития цивилизации. Специфика изменения города с эпохи Нового времени заключается в динамизме, разнонаправленности и многообразии процессов. Перспективными оказываются междисциплинарные исследования, возникающие на стыке социологии, политологии, антропологии, философии и экономики. В данной статье поднимается проблема влияния городского пространства на жизнедеятельность общества, с одной стороны, и требований, которые предъявляются жителями города к логике организации их бытия в городской среде, – с другой.

Материалы и методы: в качестве ключевой рамки анализа направлений трансформации современного городского пространства предлагается концепция биовласти, сформулированная М. Фуко и его последователями. Данная методология позволяет рассматривать не только механику микровласти, но и массифицирующие политические стратегии. В свете указанной концепции центральным понятием является тело: тело человека, коллективное социальное тело и тело города. Теоретические выкладки иллюстрируются примерами российских и зарубежных городов, а также результатами социологического исследования «субъективного благополучия» жителей мегаполиса, на примере Нижнего Новгорода.

Результаты исследования: проводится мысль, что пространство современного крупного города трансформируется по проекту власти, преследующей цели оптимизации управления массами, – достижения максимальной безопасности и прозрачности городской среды. Однако новые архитектурные решения далеко не всегда ощущаются горожанами как комфортные и экзистенциально безопасные. В результате обозначаются тактики сопротивления властным решениям снизу. Российская действительность анализируется как специфическая, однако проводится мысль: крупные российские города имеют тенденцию вписаться в общую логику становления городского пространства. Авторы предпринимают попытку рассмотреть в качестве одной из сторон в процессе инициирования изменений и саму материю города.

Обсуждение и заключения: проведённое исследование позволило обозначить ведущие тенденции трансформации крупных городов мира и России, выявить основные точки

«заботы» власти в процессе трансформации городской среды, описать комплекс проблем включения человека в коллективное социальное тело в пространстве современного мегаполиса.

Ключевые слова: горожанин, мегаполис, децентрализация, пространство, тело, биополитика

Для цитирования: Бабаева А.В., Крашенинников А.А. Антропологическое измерение пространства современного города // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, №2. С. 14

ANTHROPOLOGICAL MEASUREMENT OF MODERN CITY SPACE

A. V. Babayeva^{1}, A. A. Krashennnikov^{2*}*

¹*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

**e-mail: dff1890@yandex.ru*

²*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

**e-mail: fox.morgan@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the relevance of the urban studies is determined by the role which this form of settlement plays at the present stage of development of civilization. The specificity of the change of the city since the modern era is the dynamism, multidirectional and diverse processes of urban life. Interdisciplinary studies emerging at the intersection of sociology, political science, anthropology, philosophy and economics are becoming prospective. On the one hand this article raises the problem of the influence of urban space on the life of society, and on the other hand, it analyses the requirements that residents of the city make to the way of the organization of their existence in the urban environment.

Materials and methods: the theory of biopower by M. Foucault and his followers is the main frame of analysis' of transformation of modern urban space. This method allows us to research not only the mechanism of micropower but also political strategies of people management. In terms of this concept, the main concept is the body: the human body, the collective social body and the body of the city. The theory is illustrated by examples of Russian and foreign cities and also by results of sociology research of "individual happiness" of citizens on the example of Nizhny Novgorod.

Results: there are the hypotheses about transformation of modern big city by project of power in the article. The goal of this project of power is optimization of people management that means achievement the maximum of safety and transparency of urban space. However, new architectural solutions are not always felt by citizens as comfortable and existentially safe. As a result, we have the tactics of resistance to power decisions from below. Russian reality is analyzed as specific one, but there is an assumption that large Russian cities tend to fit into the described way of development. The authors make an attempt to consider as one of the parties in the process of initiating changes the very matter of the city.

Discussion and conclusions: this research allows to describe the main trend in transformation of big cities in Russia and the world and to show the main points of "care" in transformation of city spaces. It also allows us to describe the whole complex of issues related to including a person in the

collective social body of modern megapolis.

Keywords: urbanite, metropolis, decentralization, space, body, biopolitics.

For citation: Babayeva A.V., Krasheninnikov A.A. Anthropological measurement of modern city space // Vestnik of Minin University. 2019. Vol. 7, no. 2. P 14.

Введение

Проектировщики и архитекторы, работающие с «материальным» планом города, по мысли Ф. Джеймисона [33] и М. Фуко [24], воплощают голос власти, в задачи которой входит организация и нормирование взаимодействий субъектов социального целого. В свете подобной логики градостроительство рассматривается как феномен политического дискурса, ведь необходимость возвести здание или проложить дорогу диктуется чаще всего стратегией развития городского пространства, утверждаемой главой конкретного города, преследующего конъюнктурные интересы. Но нельзя забывать, что город – это, в первую очередь, пространственное объединение людей. Город – это не только крупный, развитый хозяйственно-экономический комплекс, но и особая логика организации/оформления жизнедеятельности горожан, это производство и воспроизводство определённых отношений, стиля жизни, миропонимания, поэтому трансформация городской среды очень тесно связана с фактическими интересами и потребностями людей, этот город населяющих. Цель данной статьи и заключается в том, чтобы, опираясь на методологию «биовласти» и мониторинг удовлетворённости горожан качеством жизни в мегаполисе, выявить основные тенденции развития современного города, тем самым определив точки пересечения интересов различных социальных субъектов.

Обзор литературы

Сложность любого исследования, посвящённого изучению городского пространства, заключается в неоднородности предметного поля. Попытка охватить в анализе города всю совокупность элементов, которые в сумме и формируют понятие «городского» (кстати, не имеющего до сих пор четких границ понятия), приводит к размыванию объекта исследования.

Представляется возможным выделить несколько направлений в проработке феномена городского пространства. Во-первых, это экономический срез, что являет собой попытку описания города как механизма синтеза горожан – живого наполнения – с «сухой» структурой – городским пространством. Данный подход позволяет понять, как сосуществуют различные модели развития городов с точки зрения благополучия, социального капитала или «мегасобытий» (например, проведение Олимпийских игр). Такие современные исследователи, как Н.В. Зубаревич [13], Д.С. Сиваев [21], Ш. Вебер [9], А. Белянин [7] и ряд других, указывают на то, что города вследствие специфического функционала, концентрации производства и ресурсов являются центрами генерирования и развития инновационных идей. В свете данного подхода утверждается: именно в городах концентрируется человеческий капитал и бизнес, поэтому данная социально-пространственная целостность является отправной точкой для распространения инноваций.

Данная группа исследователей широко «пиарит» идеи поддержания работоспособности города, озвучивает требования необходимости предоставления данному формату организации людей возможности развиваться, меняться, проявлять гибкость и оперировать большими ресурсами.

В рамках экономического подхода особо стоит выделить группу авторов: Рем Колхас [15], Ричард Флорида [26], Дэвид Харви [27], и др. [37, 40, 41, 42], – которые разрабатывают иной комплекс проблем. Риторика их работ преисполнена пессимизма: город, по их мнению, представляет собой растущую мегакорпорацию, которая, развиваясь и трансформируясь, усиливает социальное и экономическое расслоение между и так предельно разнородными социальными элементами. Город постепенно превращается в машину по производству определённого качества жизни, в автономную структуру, питающуюся человеческой энергией, тем самым превращая социальный организм в биомассу.

Во-вторых, в корпусе урбанистических текстов явственно обозначается антропологический подход. Суть подхода проста: город состоит из горожан, но кто такой горожанин, как его можно было бы описать? Появление «человека» в пространстве урбанистической темы неслучайно, как можно выносить за скобки того, для кого, по сути, и совершенствуется логика развития тела города? В этом поле особого внимания заслуживают такие авторы, как В.А. Куренной [14], М.Д. Алексеевский [4], М.В. Фаликман [25] и др. Из западных авторов стоит отметить Лео Холлиса [29], Ричарда Болдуина [5], Сета М. Лоу и др. [38, 39]. Антропологический подход даёт возможность выделить из монструозной городской машины человека, поскольку современные города так или иначе мимикрируют под коллективное социальное тело, учитывают потребности своих жителей. Здесь не так принципиально, откуда инициированы изменения городского пространства, гораздо важнее, что комфортабельность, удобство и функциональность городской среды измеряется антропологически.

Третьим подходом в анализе феномена «город» необходимо выделить архитектурно-технический. Здесь проводилась и ведется работа с чистой материей города. Здания, дороги, пешеходные переходы – анализируется то, что формирует тело города, задает правила его существования и, как следствие, нормы жизни и формы контактов горожан. В последнее время в урбанистических текстах осваивается новый взгляд на окружающую городскую архитектуру: в качестве особого среза городской среды выделяется медиапространство. Среди отечественных исследователей, поднимающих эту тему, стоит отметить Анну Броницкую и Николая Малинина [6], Льва Мановича [18] и некоторых других. В логике данных работ архитектура трактуется в качестве интерфейса, очерчивающего границы между пространствами-мирами, в которых живут, работают и коммуницируют горожане.

Значительно лучше архитектурно-технологический подход разработан зарубежными авторами. Стоит, к примеру, назвать ставшие классическими работы Ле Корбюзье [16], Энтони Таунсенда [20], Ричарда Сеннета [19], Скотта Маккуайра [17] и др [35, 36]. Эти авторы описали и глубоко разработали проблему стремления городского пространства к радикальной реорганизации в новейшей истории. Корбюзье, в частности, решает ее посредством образа архитектора-демиурга, выдающего на-гора некий проект организации городской среды. Однако, как подчеркивается в его работах, план-проект впоследствии, становясь автономным от создателя и аккумулируя человеческую энергию, способен фактически самостоятельно конструировать из неравномерного пространства единое техно-физическое тело. Витальный поток, согласно классикам, в теле города, коррелируя с информационным, очень грамотно оформляется технологически, это в свою очередь делает

жизнь горожан значительно более комфортной физически. При этом авторы не оставляют без внимания и явные негативные последствия анализируемого процесса, оцениваемых в качестве рисков: децентрализацию пространства и разрушение связей между горожанами и структурами.

Материалы и методы

Наиболее удачной, на наш взгляд, философской стратегией анализа мотивов трансформации физического пространства города, способной объединить вышеозначенные подходы, является концепция биовласти, сформулированная в свое время М. Фуко и развитая в трудах его последователей – Д. Агамбена и А. Негри. Суть концепции биовласти заключается в демонстрации установления механики контроля над жизнью и ее процессами. В качестве контролирующих инстанций Фуко условно называл политические структуры, а его последователи расширили содержание понятия «поле власти», включив в него экономических игроков в лице крупных компаний, вследствие чего политическая власть стала расцениваться как инстанция, находящаяся в зависимости у технологически развитых корпораций, которые и создали окружающую социальную действительность [28, с.43]. Методология Фуко и его последователей позволяет рассматривать не только технологии микровласти, т.е. стратегии воздействия на тела индивидов, но и массофицирующую механику власти, специализирующуюся на распределении биомассы в разграниченных пространствах. В логике концепции биовласти современный город обрисовывается не просто как форма деятельности, детерминированная экономическими потребностями и интересами людей [8, 12], а как каркас, формирующий символическую территорию смыслов, в первую очередь витально-телесного характера.

В свете концепции биовласти тело в самом широком смысле трактуется в качестве «покрытой знаками поверхности событий», и в этом ключе можно говорить не только о теле человека, но и о социальном теле, и о теле города. Экстраполяция телесных характеристик на пространство города обусловлена «этатизацией биологического» [23], а осуществление власти в основе своей, с позиций этой концепции, материально. Существование тела города поддерживается не синергией его жителей, а «вещественным осуществлением власти на самих телах индивидов» или посредством таковых. В этой связи воздействие окружающей среды, в том числе и искусственной (пространство города), было выделено Фуко в особую область интересов биополитического типа власти. Попытаемся в свете означенной методологии отследить принципиальные направления развития современных крупных городов.

Результаты исследования

С середины XX века пространство европейских городов стало основательно видоизменяться, причём в логике развития идеи «удобства» распределения людей и топологического совершенствования их деятельности. Архитекторы объясняли это осознанием необходимости заставить пространство города максимально работать на человека, а градоначальники – потребностью организовать контролируемые в аспекте безопасности локации и оптимизировать управление процессами общественного производства.

Образы современных городов во многом определяются огромными жилыми массивами для горожан среднего (и ниже) достатка – четкими, сквозными, унифицированными. Новые районы принято называть «новыми трущобами» [32] – «образчиками скуки и регламентации». Трущобы постиндустриальных городов безжизненны, но, в отличие от трущоб прошлого, причиной безжизненности стала стандартизированность кварталов, являющих собой замкнутую географию, консервирующую социальные слои в рамках конкретной территории и минимизирующую тем самым контакты людей, проживающих здесь, между собой и с представителями других социальных слоев. Подобного рода пространства преимущественно функционируют как механизм социальной сегрегации и топологической фиксации тела и сознания горожанина.

Районы, формирующие мегаполисы, складывающиеся в агломерации, существуют по принципу империй, а империи, как известно, наполнены противоречиями, неуловимыми, множасьими, труднолокализуемыми [28, с.191; 30]. Управлять агломерациями возможно, только просчитав и минимизировав риски взаимодействий составляющих их частей, просчитав возможные потери биомассы, а неопределенность и неустойчивость индивидуальной экзистенции компенсировав «иллюзорным» субстанциональным единством коллективного тела. Таким образом, на первый план организации пространств современного крупного города выходят принципы однородности, рациональности и четкости. Это первое, что обращает на себя внимание.

Говоря о самозамкнутости районов среднего класса, нельзя обойти вниманием и сюжет развития состоятельных кварталов. Последние также представляют собой изолированную зону – это вполне традиционно, но обращает на себя внимание тот факт, что архитектурные решения этих районов на сегодняшний день вовсе не обогащают пространство города новыми проектными или эстетическими идеями. Роскошные кварталы возводятся по тому же принципу, что и районы для среднего класса: чёткость и предсказуемость линий, прагматизм решений и унификация образов. Примечательно, что та же логика прослеживается и при строительстве культурных и развлекательных центров: из многофункционального ядра они превращаются в сквозные проходы, где внимание посетителя не задерживается на конкретном объекте длительное время. Все обозначенные группы строений в массе своей стремятся к предельной визуальной упрощённости и лаконичности. Это можно определить как вторую линию современных градостроительных решений.

Наши рассуждения о городе, устремлённом в будущее, не должны исключать того факта, что любой город населяют люди, живущие в настоящем. Горожан мы привыкли расценивать «кровью» тела города, наполняющей его жизнью, заставляющей его дышать, двигаться, модифицироваться. Однако все чаще возникает ощущение, что современные города стремятся к стерильности, к реализации проекта «город ради города», «города-в-себе и для-себя», где люди представляют скорее «излишек», несущий угрозу совершенству технократической проекции пространства. Материя города: здания, площади и все остальное – представляет собой форму существования концентрированных смыслов и когнитивных структур городской жизни – души города. Душа города – это отнюдь не люди, это скорость, инновации, движение вперёд.

У любого города существуют публичные пространства, «инициированные» самим городом, и теневые, приватные, возникшие в логике сопротивления горожан тотальности *urbanus*. Публичные пространства общедоступны и открыты, чаще всего это главные площади, знаковые улицы и мемориалы. Эти места, как правило, тотально нормальны и самодостаточны. Люди в подобных местах – белый шум, в котором не составит труда

затеряться единице. Здесь мы имеем в виду, что личностная (человеческая) исключительность/инаковость просто растворяется, тонет в потоке: оказывается незначительной по причине того, что внимание приковано к пространственной организации либо сценарий событий исключает локализацию внимания. В любом крупном торговом центре мы не увидим бездомных, нищенствующих – всех тех, кто так или иначе способен дискредитировать статус конкретного пространства и нарушить логику его жизнедеятельности. Но есть и обратная сторона организации городской жизни – приватное, где понятие нормы может быть вывернуто наизнанку. Такие (приватные) пространства сокрыты и затемнены. Это не всегда то, что носит нелегальный характер, вроде криминальных сетей или закрытых незаконных заведений. Пространства, о которых мы говорим, являются вместилищем периферийного – всего, что коллективным телом-разумом маркировано как «не-нормальное» – того, что было вытеснено за рамки публичного как нарушающего универсалистскую логику целого *urbanus*. Это могут быть сети бездомных, национальных меньшинств, беженцев, «гетто кварталы» и др. Подобное разделение в той или иной степени присуще любому городу – как ультрасовременному, так и древнему, историческому. Разница лишь в основании того, что воздвигается как норма, т.е. публичность и видимость.

Все вышесказанное позволяет нам выделить в жизни города два уровня: структурный и фактический, разрыв между которыми у городов будущего, скорее всего, будет сокращаться. Структурный уровень, выражаемый публичными пространствами, в «стерильном» городе будущего должен стать приоритетным, что подразумевает вовсе не обезлюденность и обезличенность пространства, а такую его упорядоченную организацию, которая максимально эффективно работала бы на воспроизводство коллективного тела. В свете концепции биовласти город и трактуется как среда, организуемая социальным целым посредством политических механизмов для оптимизации деятельности как таковой.

Ключевой категорией в формообразующих процессах современного крупного города является скорость, в результате чего третьей линией развития градостроительных практик стоит назвать динамизм пространства. Стремительность, с которой перемещается житель современного мегаполиса, существенно сокращает дистанцию между уплотненным центром и разреженной периферией. Важнейшая функция городского пространства на сегодняшний день – это функция не столько локации и ранжирования, сколько обеспечения свободы перемещения. Человек начинает измерять городское пространство легкостью его преодоления. Иными словами, для современного горожанина важно быстро и комфортно добраться из пункта А в пункт Б. Подобное расширение границ неизбежно ведет к нейтрализации городского наполнения, а безопасность движения на все более загруженных дорогах требует от пространства максимальной упрощенности [19]. Единая разметка, единые дорожные знаки, унификация дорог и прилегающих пространств – все призвано сосредоточить внимание водителя на самой логике перемещения. Заметим: новые кварталы мегаполисов вовсе не предназначены для променадов; прогулочные локации, где время течёт иначе, обозначено в качестве отдельных городских или пригородных зон: парков, скверов, старых кварталов с историческими достопримечательностями.

Мы становимся свидетелями предельной минимизации чувственного (телесного) опыта человека в отношении пространства города; развитие городской среды идёт по пути создания высокоскоростных дорог и шоссе, многоуровневых развязок, чёткого зонирования пешеходной, проезжей частей и всего городского пространства в целом. Риторика

градона начальников в данном случае сводится к двум узловым моментам: удобство и безопасность, иными словами, увеличение скоростей и сохранение биомассы.

Данной идее – упрощению движения внутри города – уже около двух тысяч лет: в своё время стремление разгрузить кучные и неудобные улицы Древнего Рима привело к реформам императора Адриана, утвердившего в имперской столице решётчатую структуру. Решётка улиц призвана была пустить потоки людей по заранее продуманным маршрутам, исключив их скопление в одном месте. Попытки использования решётчатого принципа впоследствии имели место при проектировании Парижа, Лондона и т.д., но наиболее последовательно сам принцип был реализован в Нью-Йорке. Таким образом, биополитические техники управления пространством имели место и в период преобладания дисциплинарной власти, но системного характера они не носили.

Тело Нью-Йорка, рождённого в эпоху формирования биополитики, – почти идеальное воплощение идеи решётки как бесконечной геометрии одинаковых элементов [19]. Однако у этой решётки есть важное отличие от адриановской: она не имеет центра и чётко выведенной границы. Решётка Нью-Йорка – это постоянно расширяющаяся структура, рост которой базируется на захвате пустующих земель. Это объясняется тем обстоятельством, что планировка города происходила задолго до того, как там появилось население. Скорее всего, проектирование Нью-Йорка имело собственно экономическую логику: «Набирающий силу капитализм XVII века воспринимал отдельный участок и квартал, улицу и авеню как абстрактные единицы для купли и продажи, игнорируя исторически сложившиеся функции, и топографические особенности, и общественные нужды» [34, с.235]. Идентичность отдельных земельных участков в Нью-Йорке позволила использовать их в качестве денежных знаков, поскольку стоимость таких участков была одинаковой. Но постепенно экономические интересы отошли на второй план, уступив социальным и политическим аспектам: решётка Нью-Йорка стала олицетворением пространства перемещения без границ, без центра, без определенных зон личностных коммуникаций.

Примечательно, что средовая организации жизни в России сверхцентрализована, моноцентрична. Историческое своеобразие и политическая культура России сказывается и на подходе к развитию городского пространства на современном этапе. Столица поглощает в себя большую часть ресурсов, как аккумулирующее ядро, в то время как остальные города выживают за счёт собственных сил. Такие города вытянуты во времени, но не в пространстве. Достаточно сравнить мегаполисы Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород с любым провинциальным городом, и разница становится очевидна. Неспособность малых городов трансформироваться под меняющиеся обстоятельства оборачивается их «деградацией». Потоки людей, вслед за витальными потоками городского существования, направляются в мегаполисы. Как можно городу вместить в себя миллионы новых жителей? Ответ: работая с практиками идентичности, в том числе идентичностью пространства. Лишь максимально унифицированное сквозное пространство способно дать возможность массам двигаться по городским артериям, власти – контролировать процессы, экономике – наращивать объёмы, а человеку – безболезненно вписаться в стерильное, стандартизированное целое. В этой связи отметим, что, несмотря на специфический исходный мотив существования российских городов, логика их развития тем не менее вписывается в общую линию конструирования тела города.

Современное тело города – это тело без органов, максимально виртуализированное и в то же время в актуальном своём аспекте максимально упрощённое для пребывания в нем. Города наподобие Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Токио, Шанхая и т.д. – города будущего,

динамичное развитие которых определяется топологической децентрализацией, их пространство мимикрирует под требования жителей – и города становятся удобными для «новых» тел горожан – тел, сконструированных, используемых их обладателями для достижения определённых статусных позиций на посткапиталистическом рынке труда; тел, привыкших и стремящихся к определённому качеству жизни, одной из характеристик которой на сегодняшний день является высокоскоростной режим. Жизнь современного горожанина протекает преимущественно во времени, а не в пространстве.

Современный мегаполис в силу ключевых параметров определяет следующее: его жители становятся все менее многословными, контакты – краткосрочными, взаимодействия – фрагментарными, смыслы – ситуативными, причем последние не вызревают органически, а фабрикуются «коммуникативной машиной» [28, с.44]. Улицы, кафе и рестораны, магазины и торговые центры, поезда, машины и автобусы представляют собой «пространство взглядов», а не разговоров [19, с. 408]. С каждым разом установить продолжительный устный контакт между незнакомцами становится сложнее, по этой причине утрачивается сила со-переживания, а следовательно, и сила со-бытия горожан [31]. Изменение реальных условий коммуникации в мегаполисе приводит к трансформации экзистенциальных мотивов интеракций. Ситуацию осложняет деятельность «нового духовенства» – масс-медиа, работающего на отчуждение человека от языковой природы социума, на выхолащивание из высказываний и сообщений информационной составляющей [1, с.74]. Технологии информатизации и медиа оказываются новым действующим инструментом биовласти: выражают движение и контролируют смысл, направление сферы воображаемого. Подобные технологии обеспечивают два момента: 1) координацию субъектов в поле власти, 2) «безболезненный» способ формирования новой ценностной парадигмы.

В современном городском пространстве нет чёткой разделительной линии, и в результате делокализирующей локализации [2, 3] пространство, изначально предназначенное для бытия и со-бытия горожан, превращается в место, где люди сами оказываются фоновым наполнением. Центральные районы крупных городов утрачивают фиксированные точки публичных мест (как это было, например, в древнегреческих полисах или средневековых европейских городах), и человеческие потоки сменяются здесь без задержки, оправдывая скоростной ритм города в целом [31].

В свете биополитики ключевой функцией современной власти является отнюдь не функция подавления; биовласть не столько исключает, заставляет или вытесняет, как это было с дисциплинарной властью. Сила современной власти как раз в позитивном способе ее осуществления, в мимикрии под желания и потребности разнообразных субъектов властных отношений. Сюжет с организацией текучего пространства, по которому человеческие потоки движутся беспрепятственно, обусловлено, с одной стороны, экономически – калькулированием природных и человеческих ресурсов, а с другой – политически и антропологически, а именно: решением проблемы безопасности. Здесь власть направляет, предупреждает, ориентирует, поэтому чёткость, унификация, в определенном смысле обезличивание – это эстетическая жертва рационализированного посткапиталистического общества в пользу удобства и безопасности.

Мы говорим о фундаментальной тенденции, выражающейся в «обезличивании» (потере самобытности) пространства, что идёт параллельно процессам формирования мирового среднего класса. Новая буржуазия, ставшая «формой самоубийства человечества», – глобальный биополитический проект, цель которого – легкоуправляемая биомасса с

размытой социальной идентичностью, без главных диверсификационных параметров – классовости и национальности [1, с. 61].

Однако Жизнь, витальный поток выражается через субъектность, самобытность, инаковость, не случайно все художественные тексты антиутопий явственно демонстрируют бесперспективность проектов тотальной унификации и максимально формализованных социальных коммуникаций. Как показывает исследование, проведенное Фондом Янга в 2011 году, люди вовсе не перестают испытывать потребность в живом, реальном общении – они охотнее демонстрируют стремление идти на контакт друг с другом именно не в однородном, обезличенном пространстве, а в местах самобытных, имеющих свою историю, свою специфику. Примером неформальных коммуникаций в самобытном месте является возникновение рынка в Ист-Энде в Лондоне, где сложилось очень востребованная публичная площадка для встреч и взаимодействий горожан[19].

Однако биовласть как «движущаяся история» [22], циркулируя в социальном поле, оказывается способной видоизменять формы господства и подчинения, не исключая, а порой и иницируя процессы сопротивления снизу. В свете этого истэндскую историю организации самобытной, атмосферной городской среды можно рассматривать в качестве легализации спонтанного канала «контрвласти» в технологиях биополитики: публичные площадки, успешность которых зависит не от их географии или социально-экономической однородности, а от реальных потребностей людей, оперативно включатся в структуры и функционал власти.

Более тесные «связки» людей в современных условиях обнаруживаются именно в малых, точечных географических локациях (пригороды, малые города и т.д.) – местах, организованных по принципу «heartcity» – локусы личностных и групповых идентичностей. «Heartcity» – ядро города, его культурный, исторический, энергетический центр-образ; место, в которое раньше была включена вся полнота жизни. Это та самая точка «родного места» – зоны комфорта, к которому часто мысленно отсылает себя человек, существующий в унифицированной метаструктуре. Стремительное разрушение «heartcity» мегаполисов смещает «бурлящую» жизнь людей в пригороды, что тянет за собой и смещение инфраструктуры, культурных инициатив. Это можно проследить на примере столицы Техаса – Хьюстона [29]. При населении свыше двух миллионов центр города и его бизнес-ядро остаются пустующими зонами, поскольку общий поток жителей выходит за пределы этих зон в пригороды. Другим примером подобного рода смещений является «переезд» уличного «балета» из центра города на его окраины [31].

Четвертую тенденцию трансформации тела города, органично вытекающую из предыдущих, можно обозначить как децентрализацию городского пространства. План улиц представляет собой расхождение множества автомобильных и пешеходных путей от определённых территориальных узлов, которые могут быть разбросаны по всему городу, а не сосредоточены в единой точке. Иными словами, внутри города есть места, которые представляют собой сосредоточение финансовой, культурной или политической силы города. Например, в Москве роль такого центра играет Кремль и Москва-сити. Такие же центры все ещё можно обнаружить в европейских городах и отчасти в городах США. Тем не менее необходимость в таком логическом центре все чаще отходит на задний план, а большинство «визитных карточек» крупных городов сегодня по преимуществу места туристического паломничества, а не коммуникативные площадки, типа агоры.

Возможно ли российским городам следовать логике последовательной децентрализации в недалёком будущем? Сложно сказать. Очевидно, что в нашей действительности мы

сталкиваемся с большим количеством проблем. Огромные территориальные пространства не пронизаны сетью городов. Низкая инфраструктурная связанность, экономическая пассивность и культурная смерть малых городов не способствуют их переформатированию. Для примера: движение из малого города до международного аэропорта может занять больше времени, чем перелёт из Москвы в Западную Европу или США. Иными словами, в обозримом будущем мы скорее столкнёмся с Гипер-Москвой или Гипер-Санкт-Петербургом, чьи пространства поглотили окружающие агломерации.

С другой стороны, внутри мегаполисов снизу вызревает волна сопротивления унификации и стандартизации; программным произведением этого движения можно считать книгу датского архитектора Яна Гейла «Города вам на пользу» [10], что идеологически перекликается с культовой книгой Д. Джекобс «Жизнь и смерть больших американских городов». Основной лозунг Гейла – «Вернуть города людям». Базовые характеристики современного города – динамичность и оживлённость – можно сохранить, считает датский архитектор, но не за счёт увеличения транспортного потока, а посредством возвращения людей на улицы, т.е. развитием пешеходных и прогулочных зон, а также велосипедных дорожек, что и показано им на примере реорганизации районов Стрёгет и Нёрреброгаде в Копенгагене. Здесь озеленение города, нестандартные архитектурные решения призваны работать на темпоральное и экзистенциальное оздоровление.

Таким образом, современный мегаполис – это особый пространственно-временной континуум, где, собственно, в духе развития постиндустриальной цивилизации происходит радикализация временной составляющей, обозначающей тенденцию к аннигиляции пространства. Мы полагаем, что говорить об «исчезновении» пространства нельзя, исходя в первую очередь из самой природы человека: телесная организация человека требует локализации по пространственному измерению. Но определённые тенденции снижения значимости феномена и категории пространства имеют место, и они не только политические по своему характеру. Примечательно, что проводимое на базе Мининского университета социологическое исследование, посвящённое анализу такого показателя, как «субъективное благополучие» жителей российского мегаполиса (на примере Нижнего Новгорода), показало высокую степень важности для нижегородцев именно временного измерения в выборе, например, форм досуга. Респонденты явственно отдавали предпочтение тем культурным институциям, которые находились от них в шаговой доступности, или же тем, к которым было «удобно добираться», что позволяло людям экономить время. И вообще при оценке пространства города нижегородцы особо заостряли внимание на удобстве перемещения – динамизме, а не на эстетичности оформления пространства, насыщенности его событиями, информативности. И даже такая важная характеристика, как экологичность пространства, оценивалась значимой в большей степени в отношении спальных районов или применительно к непосредственному месту проживания респондентов.

Последний абзац свидетельствует о том, что не только властные структуры и корпорации заинтересованы в прагматических вариантах решения проблем городского пространства. Сами жители российских мегаполисов формируют заказ именно на утилитаристскую логику развития городов. Отсюда возникает ряд вопросов: почему горожане не озабочены архитектурными и эстетическими вопросами? является ли отсутствие эстетической тревоги следствием программных действий биополитической власти или же это влияние эпохи, требующей от человека «жить во времени», а не в пространстве?

Обсуждение и заключения

Теоретические положения, заложенные в основание исследования, и результаты самого исследования свидетельствуют о необходимости переосмысления сложившихся представлений о городском пространстве и того места, которое занимает в нем человек.

Ключевым понятием в освоении современного городского пространства европейских и отчасти российских городов становится понятие «скорости», что закономерно ставит вопросы: каким будет город будущего? одномерное ли это пространство, лишённое идентичности и обладающее ресурсами для постоянной трансформации под изменяющуюся среду, или это место культурного и социального со-бытия людей? Решение поставленных вопросов напрямую связано с определением статуса города и его функционалом в обозримом будущем. Анализ ситуации чрезвычайно осложняется тем обстоятельством, что не существует единого вектора развития городского пространства. На сегодняшний день города мира очень сильно разнятся в формате организации жизни своих горожан, что зависит от географии, традиций, экономического статуса и много другого.

Крупные города воздействуют на восприятие человеком окружающей среды, заставляя его по-новому рассматривать привычные вещи и локации: далеко не всегда экономический или социальный статус являются залогом успешности и функциональности публичного пространства. Однако заметен и обратный процесс: собственно антропологический фактор (ускорение жизни, требование удобства и простоты перемещения) диктует логику трансформации городской среды.

Телесная организация человека коррелирует с пространственной локацией, поэтому стремление личности ассоциировать жизнь с конкретным местом, обозначить в физическом пространстве точку отсчёта личностной истории, персонального мира следует рассматривать как экзистенциальную потребность. Тело же города – это локация, определенным образом организованная и структурированная, но в ее отношении, как и в отношении человеческого тела, сложно говорить буквально о наличии плана, предшествующего ее появлению [22]. Тело города с течением времени может радикально видоизменяться, причём логику трансформаций разрабатывает сама Жизнь. Итоговые планы-проекты в этом ключе – это точки пересечения стратегий и тонкая подгонка интересов зачастую противостоящих друг другу субъектов: обывателей, представителей экономического сектора и политических структур.

Список используемых источников

1. Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М.: Три квадрата, 2008. 144 с.
2. Агамбен Дж. Номос sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
3. Агамбен Дж. Номос sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
4. Алексеевский М.Д. Городская антропология. От локальных «племён» до глобальных «поток» // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. 216 с.
5. Болдуин Р. Великая конвергенция. Информационные технологии и новая глобализация. М.: Дело, 2018. 416 с.
6. Боровицкая А., Малинин Н. Алма-Ата. Архитектура советского модернизма 1955 – 1991. М.: Garage, 2018. 352 с.
7. Белянин А. Удовольствие от пробок: поведенческая экономика о транспортной реформе // Стимулы. Парадоксы. Провалы. Город глазами экономистов. М.: Strelka Press, 2015. 224 с.

8. Баранский Н.Н. Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. 286 с.
9. Вебер Ш. Пределы разнообразия. Сколько этносов нужно большому городу // Стимулы. Парадоксы. Провалы. Город глазами экономистов. М.: Strelka Press, 2015. 224 с.
10. Гейл Я. Города для людей. М.: Альпина Паблишер, 2012. 276 с.
11. Негри А. Труд множества и ткань биополитики. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/12/03/negri/> (дата обращения: 10.01.2019).
12. О'Салливан А. Экономика города. М.: ИНФРА, 2002. 706 с.
13. Зубаревич Н.В. Страна городов: теория практика российской урбанизации // Стимулы. Парадоксы. Провалы. Город глазами экономистов. М.: Strelka Press, 2015. 224 с.
14. Куренной В. А. Сила слабых связей. Горожане и право на одиночество // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. 216 с.
15. Колхас Р. Гигантизм или проблема большого. Город-генерик. Мусорное пространство. М.: Garage, 2015. 84 с.
16. Ле Корбузье. Когда соборы были белыми. Путешествие в край нерешительных людей. М.: AdMarginem, 2018. 352 с.
17. Маккуайр С. Геомедиа. М.: Strelka Press, 2018. 268 с.
18. Манович Л. Язык новых медиа. М.: AdMarginem, 2018. 400 с.
19. Сеннет Р. Плоть и камень. Тело и город в цивилизации Запада. М.: Strelka Press, 2016. 504 с.
20. Таунсенд Э. Умные города. Большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии. М.: Издательство института Гайдара, 2019. 400 с.
21. Сиваев Д.С. Мегасобытия: панацея или контрольный выстрел городу? // Стимулы. Парадоксы. Провалы. Город глазами экономистов. М.: Strelka Press, 2015. 224 с.
22. Фуко М. Власть и тело. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_07.php (дата обращения: 21.01.2019)
23. Фуко М. Воля к знанию. История сексуальности. Том первый. М.: Касталь, 1996. 448 с.
24. Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
25. Фаликман М. В. В эпицентре шума. Почему человек не создан для города // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. 216 с.
26. Флорида Р. Новый кризис городов. М.: Garage, 2018. 368 с.
27. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: НЛЮ, 2018. 440 с.
28. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
29. Холлис Л. Города Вам на пользу: гений мегаполиса. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
30. Шмелева Н.В. Образ смерти в американском кино апокалиптической и постапокалиптической тематики // Международный журнал исследований культуры. 2016. №1. С 122-129.
31. Babayeva A., Zakablukovskiy E., Smetanina T., Shmeleva N., Shilovskaia N. Perceiving Quality of Life in Modern Urban Space: Regional Aspect // MATEC Web Conferences. 2017. Vol. 106. DOI: <https://doi.org/10.1051/matecconf/201710601003>
32. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New-York: Random House, 1961. Available at: <https://eknigi.org/professii/135884-the-death-and-life-of-great-american-cities.html> (accessed: 01.02.2019).
33. Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC: Duke University Press, 1991. 461p.

34. Mumford L. The City in History. NY. HBJ, 2006. 657p.
35. Easterling K. Medium Design. M.: Strelka Press, 2018. 36 p.
36. Bratton B. The New Normal. M.: Strelka Press, 2017. 28 p.
37. Garvin A. The Heart of the City. M.: Strelka Press, 2018. 120 p.
38. Alinsky S. Rules for Radical: A Practical Primer for Realistic Radicals. NY, 1989. 224 p.
39. Simon N. The Participatory Museum. Available at: https://books.google.ru/books/about/The_Participatory_Museum.html?id=qun060HUcOcC&redir_esc=y (accessed: 01.02.2019).
40. Cabannes Y. Another City is possible with participatory budgeting. Black Rose Book, 2018. 278 p.
41. Field K. Cartography. Esri Press, 2018. 556 p.
42. Monmonier M., de Blij H. How to Lie with Maps. University of Chicago Press, 1996. 207 p.

References

1. Agamben Dzh. The future community. Moscow, Three squares Publ., 2008. 144 p. (In Russ.)
2. Agamben Dzh. Homo sacer. Sovereign power and bare life. Moscow, Europe Publ., 2011. 256 p. (In Russ.)
3. Agamben Dzh. Homo sacer. State of emergency. Moscow, Europe Publ., 2011. 148 p. (In Russ.)
4. Alekseevskij M.D. Urban anthropology. From local "tribes" to global "streams". *Gorozhanin. CHto my znaem o zhitele bol'shogo goroda?* Moscow, Strelka Press, 2017. 216 p. (In Russ.)
5. Bolduin R. The Great Convergence. Information technology and new globalization. Moscow, Business Publ., 2018. 416 p. (In Russ.)
6. Borovickaya A., Malinin N. Alma-Ata. Architecture of Soviet Modernism 1955 – 1991. Moscow, Garage Publ., 2018. 352 p. (In Russ.)
7. Belyanin A. Pleasure from traffic jams: behavioral economics on transport reform. *Stimuly. Paradoksy. Provaly. Gorod glazami ekonomistov*. Moscow, Strelka Press, 2015. 224 p. (In Russ.)
8. Baranskij N.N. The formation of Soviet economic geography. Moscow, Thought Publ., 1980. 286 p. (In Russ.)
9. Veber SH. Limits of Diversity. How many ethnic groups need a big city. *Stimuly. Paradoksy. Provaly. Gorod glazami ekonomistov*. Moscow, Strelka Press, 2015. 224 p. (In Russ.)
10. Gejl YA. Cities for people. Moscow, Alpina Publisher, 2012. 276 p. (In Russ.)
11. Negri A. Labor of the multitude and the fabric of biopolitics. Available at: <http://www.polit.ru/article/2008/12/03/negri/> (accessed: 01.01.2019). (In Russ.)
12. O'Sullivan A. Economy of the city. Moscow, INFRA Publ., 2002. 706 p. (In Russ.)
13. Zubarevich N.V. Country cities: the theory of the practice of Russian urbanization. *Stimuly. Paradoksy. Provaly. Gorod glazami ekonomistov*. Moscow, Strelka Press, 2015. 224 p. (In Russ.)
14. Kurennoj V. A. Strength of weak bonds Citizens and the right to loneliness. *Gorozhanin. CHto my znaem o zhitele bol'shogo goroda?* Moscow, Strelka Press, 2017. 216 p. (In Russ.)
15. Kolhas R. Gigantism or a big problem. Generic city Garbage space. Moscow, Garage Publ., 2015. 84 p. (In Russ.)
16. Le Korbuz'e. When the cathedrals were white. Travel to the land of indecisive people. Moscow, AdMarginem Publ., 2018. 352 c. (In Russ.)
17. Makkuajr S. Geomedia. Moscow, Strelka Press, 2018. 268 p. (In Russ.)

18. Manovich L. Language of new media. Moscow, AdMarginem Publ., 2018. 400 p. (In Russ.)
19. Sennet R. Flesh and stone. The body and the city in the civilization of the West. Moscow, Strelka Press, 2016. 504 p. (In Russ.)
20. Taunsend E. Smart cities. Big data, civilian hackers and the search for a new utopia. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2019. 400 p. (In Russ.)
21. Sivaev D.S. Mega-events: a panacea or a control shot of the city? *Stimuly. Paradoksy. Provaly. Gorod glazami ekonomistov*. Moscow, Strelka Press, 2015. 224 p. (In Russ.)
22. Fuko M. Power and body. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_07.php (accessed: 21.01.2019) (In Russ.)
23. Fuko M. The will to know. History of sexuality. Volume one. Moscow, Castal Publ., 1996. 448 p. (In Russ.)
24. Fuko M. Need to protect society. A course of lectures given at the Collège de France in 1975-1976. St. Petersburg, Science Publ., 2005. 312 p. (In Russ.)
25. Falikman M.V. In the epicenter of noise. Why a person is not created for the city. *Gorozhanin. CHto my znaem o zhitele bol'shogo goroda?* Moscow, Strelka Press, 2017. 216 p. (In Russ.)
26. Florida R. New Urban Crisis. Moscow, Garage Publ., 2018. 368 p. (In Russ.)
27. Harvi D. Social Justice and the City. Moscow, UFO Publ., 2018. 440 p. (In Russ.)
28. Hardt M., Negri A. Empire. Moscow, Praxis Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)
29. Hollis L. Cities for your benefit: the genius of the metropolis. Moscow, Strelka Press, 2015. 432 p. (In Russ.)
30. SHmeleva N.V. The image of death in the American cinema of apocalyptic and post-apocalyptic subjects. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, 2016, vol. 1, pp. 122-129. (In Russ.)
31. Babayeva A., Zakablukovskiy E., Smetanina T., Shmeleva N., Shilovskaia N. Perceiving Quality of Life in Modern Urban Space: Regional Aspect. *MATEC Web Conferences*, 2017, vol. 106. DOI: <https://doi.org/10.1051/matecconf/201710601003>
32. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. New-York: Random House, 1961. Available at: <https://eknigi.org/professii/135884-the-death-and-life-of-great-american-cities.html> (accessed: 01.02.2019).
33. Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC: Duke University Press, 1991. 461p.
34. Mumford L. The City in History. NY. HBJ, 2006. 657p.
35. Easterling K. Medium Design. M.: Strelka Press, 2018. 36 p.
36. Bratton B. The New Normal. M.: Strelka Press, 2017. 28 p.
37. Garvin A. The Heart of the City. M.: Strelka Press, 2018. 120 p.
38. Alinsky S. Rules for Radical: A Practical Primer for Realistic Radicals. NY, 1989. 224 p.
39. Simon N. The Participatory Museum. Available at: https://books.google.ru/books/about/The_Participatory_Museum.html?id=qun060HUcOcC&redir_esc=y (accessed: 01.02.2019).
40. Cabannes Y. Another City is possible with participatory budgeting. Black Rose Book, 2018. 278 p.
41. Field K. Cartography. Esri Press, 2018. 556 p.
42. Monmonier M., de Blij H. How to Lie with Maps. University of Chicago Press, 1996. 207 p.

Информация об авторах

Бабаева Анастасия Валентиновна – кандидат философских наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: dff1890@yandex.ru

Крашенинников Алексей Алексеевич – магистр, магистратура по направлению Философия, профиль «Философия истории, философия культуры», Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: fox.morgan@yandex.ru

Information about the authors

Babaeva Anastasia Valentinovna – candidate of philosophy Sciences, associate Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: dff1890@yandex.ru

Krasheninnikov Aleksey Alekseevich – Magistracy: Philosophy/Philisiphy of history, philosophy of culture, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation

Вклад соавторов

Бабаева Анастасия Валентиновна – 60%.

Крашенинников Алексей Алексеевич – 40%.

Contribution of authors

Babaeva Anastasia Valentinovna – 60%.

Krasheninnikov Aleksey Alekseevich – 40%.

Поступила в редакцию: 19.03.2019

Принята к публикации: 25.04.2019

Опубликована: 05.06.2019